

Е.О. Васильева (Москва)
ORCID ID: 0000-0002-4155-1867

ТВОРЧЕСТВО А.А. БЛОКА В КНИГЕ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ М.М. ЗОЩЕНКО «НА ПЕРЕЛОМЕ» И В ПОВЕСТИ «М.П. СИНЯГИН»

Аннотация. Задача статьи – выявить особенности отношения М.М. Зощенко к творчеству А.А. Блока на материале произведений писателя. В работе рассматривается ранняя, неопубликованная при жизни статья Зощенко о поэте «Конец Рыцаря Печального Образа» (1919) из неоконченной книги «На переломе» (1919-1920), а также роль аллюзий на творчество Блока в художественной организации повести «М.П. Синягин» (1930). Сравнительный анализ этих текстов показывает, что они затрагивают общий комплекс идей, определявших творческие взгляды Зощенко в 1920-е гг. В обоих произведениях писатель ведет полемику с индивидуализмом и декадентскими мотивами в культуре Серебряного века, конструирует новый идеал литературы. Показано, что вопрос о творчестве Блока и его влиянии на культуру прошлого для Зощенко неразрывно связан с вопросом о творческих потенциях интеллигенции после революции 1917 г., которые писатель был склонен оценивать критически. Раскрыт этический характер его литературных оценок. В связи с аллюзиями на творчество Блока в повести «М.П. Синягин» высказывается мнение, что поэт интересует Зощенко как эпохальный характер, определивший культуру интеллигенции до Октября. Показано влияние этих взглядов на образ Синягина, который рассматривается как особый, зощенковский тип героя, представляющий собой «среднего» человека – носителя типичной психологии членов общества. Методологической основой работы стали исследования М.О. Чудаковой, Ц.С. Вольпе и Г.А. Белой, посвященные проблеме творческой личности Зощенко.

Ключевые слова: Серебряный век; индивидуализм; интеллигенция; Блок; революция.

E.O. Vasilieva (Moscow)
ORCID ID: 0000-0002-4155-1867

The Reception of Alexander Blok's Creative Personality in Mikhail Zoschenko's Collection of Articles “At the Turning Point” and in the Story “M.P. Sinyagin”

Abstract. This article aims at exploring Mikhail Zoschenko's views regarding Alexander Blok's works. It analyses the remarks made by Zoschenko in his early literary criticism article about Blok titled “The End of the Knight of the Rueful Countenance” (1919) from the unfinished book “At the Turning Point” that was not published during his lifetime. The paper also analyses the role the allusions to Blok's works in the struc-

ture of Zoschenko's tale "Michel Sinyagin" (1930). The comparative analysis of these texts shows that both of them touch upon the same set of ideas that were crucial for Zoschenko's artistic views in the 1920s. In both cases he polemicizes individualism and decadence motifs in the culture of the Silver Age, and creates a new ideal of literature. This article shows that for Zoschenko, Blok's works and influence on the past culture were inextricably connected with the artistic potential of the Intelligentsia after the Russian Revolution of 1917 that Zoschenko mostly looked at with criticism. It also reveals the ethic assessment of his literary criticism. In relation to the allusions to Blok's story "Michel Sinyagin" it is noted that the poet interested Zoschenko as a character of the epoch who inspired the Intelligentsia culture before the October Revolution. This article also shows the impact these views had on Sinyagin's character which is regarded as a special, or a Zoschenko-style kind of character representing a common person, someone who has the psychology of a typical member of society. Methodologically, this article relies on the scientific works about the creative personality in Zoschenko's works that were written by M. Chudakova, Ts. Volpe, and G. Belaya.

Key words: the Silver Age; individualism; Intelligentsia; Blok; Revolution.

Одним из первых на связь «сюжетов» о Блоке с проблемой отношения писателя к наследию Серебряного века обратил внимание Ц.С. Вольпе, анализируя повесть М.М. Зощенко «М.П. Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине)» (1930) [Вольпе 1991, 210]. Позднее это отметила и М.О. Чудакова [Чудакова 1979, 197]. Она также впервые рассмотрела неоконченную книгу критических статей «На переломе» (1919–1920) в контексте творчества писателя и нашла связь этой книги с повестью о Мишеле Синягине. Изучая прозу Зощенко, Г.А. Белая показала, что в творчестве писателя проблема отношения к культуре прошлого связана с вопросом о преобразовании жизни и человека, широко обсуждаемом в литературе начала XX в. Как отмечает Г.А. Белая, хотя тема преобразования жизни «была утрирована и упрощена под давлением вульгарного утилитаризма и прагматизма» и стала для многих писателей советского времени «конъюнктурной», для Зощенко она была темой «экзистенциальной» [Белая 2004, 152].

Мотив преобразования жизни и человека, как нам кажется, определил пафос повести «М.П. Синягин» и точку зрения Зощенко в книге «На переломе». Внутренним двигателем книги критических статей является поиск нового типа художественного творчества, которое бы отражало современную жизнь. Поэтому все оценки в книге «На переломе», достаточно тенденциозные, следует рассматривать исходя из обозначенной особенности. Без этого подхода трудно понять логику Зощенко, который критиковал в книге свой круг чтения, что отметила М.О. Чудакова [Чудакова 1979, 12]. Обращение Зощенко в повести «М.П. Синягин» к судьбе русской интеллигенции после 1917 г. также показывает интерес писателя к теме преобразования жизни и человека. Таким образом, проблематика книги «На переломе» и повести «М.П. Синягин» побуждает нас к тому, чтобы рассматривать «тему» Блока в этих произведениях в связи с пафосом пере-

устройства жизни.

1

О том, что в период работы над книгой критических статей «На переломе» Зощенко увлекался творчеством Блока, свидетельствует В.В. Зощенко, цитируя письмо мужа к ней: «... посылаю тебе две любимейшие мои книги – конечно, Блок и, конечно, Ницше» [Зощенко 1995, 15]. Показательно, на наш взгляд, что Зощенко позднее не предпринимал попыток доработать статьи или опубликовать хотя бы какую-то часть сборника – весь он так и остался в набросках. Хотя, как было сказано выше, вопросы, волновавшие Зощенко в период работы над книгой «На переломе» (в том числе вопрос оценки литературы Серебряного века и отношения к ее наследию), оставались важным для писателя и в период работы над произведениями из цикла «Сентиментальные повести» (1923–1929) и повестью «М.П. Синягин» (1930).

В книге «На переломе» творчество Блока интересует Зощенко в связи с проблемой кризиса индивидуализма, которую он находит в литературе рубежа XIX – XX вв. Фигура Блока сильно выделяется на фоне других авторов, упоминаемых в книге: В.М. Инбер, Б.К. Зайцев, З.Н. Гиппиус и др. Примечательно, что из всей книги именно статья о Блоке представляет наиболее завершенный текст. Причина может заключаться в том, что, возможно, именно эту статью Зощенко писал в литературной студии К.И. Чуковского как учебную работу [Чудакова 1979, 27]. С другой стороны, это может объясняться и личным интересом Зощенко к Блоку в тот период. Один из вариантов содержания книги показывает, что Блок – единственный автор, которого Зощенко предполагал рассмотреть сразу в двух разделах книги: «Кризис индивидуализма» и «Побежденный индивидуализм» [Грознова (ред.) 1997, 40] (в другом варианте этот раздел называется «На переломе» [Зощенко 1995, 18]). Деление творчества на два периода четко прослеживается и в структуре статьи: первая ее смысловая часть посвящена лирике Блока до поэмы «Двенадцать», вторая – целиком поэме.

Деление творчества Блока лишь на два периода, суждения Зощенко о его поэзии говорят о том, что писателя в первую очередь волновал вопрос поиска творческой концепции, адекватной новому времени. Образ Блока-поэта в первой половине статьи вполне отвечает описанию «неживых людей» – так в разделе «Кризис индивидуализма» Зощенко называл героев Зайцева, Инбер и др., подчеркивая такие их черты, как искусственность, безвольность (вплоть до апатии к жизни), болезненную мечтательность: «Вся почти литература наша современная о них, о безвольных, о неживых или придуманных. Гиппиус, Блок, Ал. Толстой, Ремизов, Ценский – все они рассказывают нам о неживых, призрачных, сонных людях» [Грознова (ред.) 1997, 46]. Впервые разделение героев на «неживых людей» и «зверей» в книге Зощенко отметила Т.В. Кадаш [Кадаш 1995]. Те же черты Зощенко находит у лирического героя Блока и замечает, что «Судьба, Рок, Кисмет» распорядились его жизнью, а также что «он даже поэтом стал как-то помимо своей воли» [Зощенко 1994, 78]. И здесь важно, что в книге

«На переломе» Зощенко сближает автора и его героя.

Он акцентирует внимание на связи художественного мира произведения с ментальностью творца этого мира. Мысль о связи между характером героя и его создателем, писателем-интеллигентом, прослеживается практически во всех фрагментах книги. Такой подход можно встретить и в статье Зощенко о Блоке, но в ней он выражен менее, чем в остальных. Зощенко считал, что Блоку удалось преодолеть индивидуализм и представить образец нового творчества (поэму «Двенадцать»), что вынуждало писателя ответить на вопрос о трансформации ментальности Блока.

В книге «На переломе» проблема кризиса индивидуализма в литературе и связанной с ним ментальности тесно переплетается с вопросом о творческих потенциях интеллигенции. Зощенко находит, что интеллигенция пребывает в состоянии духовного упадка: из творчества ушло его основание – сама реальная жизнь. Блоку в поэме «Двенадцать», считает писатель, удалось передать одно из новых явлений жизни – «пролетарское» [Зощенко 1994, 83]. И Зощенко высоко оценивает это, особенно высоко потому, что сделано это было нелицемерно: «Но Александр Блок... Какой уж тут подряд!..» [Зощенко 1994, 83]. Но даже несмотря на то, что Блок – единственный художник из книги «На переломе», который, по мнению Зощенко, сумел преодолеть индивидуализм, его фигура все же отнесена к литературе прошлого века. И главная причина этого в том, что на тот момент Зощенко не видел, как могла бы продолжиться линия изображения новой жизни, намеченная Блоком в поэме.

Таким образом, идеала победы над индивидуализмом, идеала современной литературы Зощенко в книге не называет. Судя по двум черновикам плана книги, он и не планировал этого. Тем не менее, отрицая те или иные направления в литературе, критик вел поиск идеала. Из текста можно вычленить как минимум две его черты. Во-первых, возвращение к чистой идее о «свободном и сильном человеке» [Грознова (ред.) 1997, 40], которая не анализируется в книге подробно и раскрыта лишь через антитезу (образы «зверя» и «неживого человека»). Во-вторых, поиск литературы, отвечающей духу времени, в том числе такой формы письма, которая отразила бы то новое, пролетарское, что появилось в жизни (этот поиск также идет через отрицание). В целом мы согласны с М.О. Чудаковой, что книга литературно-критических статей была поставлена в зависимость от актуальной в то время темы [Чудакова 1979, 16]. Но диктат темы не был воспринят писателем беспрекословно. Фрагменты книги, сам их незавершенный характер обнаруживают, что мысль писателя с трудом подчинялась выбранному направлению. Вернувшись позднее к теме творческих потенций интеллигенции и к творчеству Блока в «М.П. Синягине», Зощенко вновь попытался обосновать свой взгляд на проблему преобразования жизни после 1917 г.

2

Главный герой повести «М.П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине)» – малоизвестный поэт, эпигон Блока. Об этом сообщает сам

рассказчик: «Он сильно любил таких прекрасных поэтов, как Фет, Блок, Надсон и Есенин. И в своем собственном творчестве, не отличаясь исключительной оригинальностью, он был под сильным влиянием этих славных поэтов. И в особенности, конечно, под влиянием гениального поэта тех лет, А.А. Блока» [Зощенко 1930, 118]. Творческая несамостоятельность героя утверждается рассказчиком с первых страниц повести и, на наш взгляд, имеет принципиальное значение в авторской оценке персонажа. Во-первых, она характеризует героя как «среднего», невыдающегося человека. Во-вторых, сама тема эпигонства, думается, приобретает в повести экзистенциальный характер. Мишель Синягин не просто подражает Блоку в своем творчестве, но он стремится претворить свою подражательную поэзию и философию в жизнь. Именно это, видимо, имела в виду М.О. Чудакова, когда писала, что «в своей частной жизни герой действует как бы под диктовку блоковской поэзии» [Чудакова 1979, 188], – заметим, поэзии, преломленной в повести через сатирическую линзу. Но идея житнетворчества Мишеля Синягина терпит фиаско. Пример со стихами Мишеля о Прекрасной Даме и Незнакомке хорошо это иллюстрирует.

Рассказчик отмечает, что Мишель испытал влияние Блока и «любил нереально какую-то неизвестную женщину», которая была «красива и таинственна» [Зощенко 1930, 120]. В доказательство рассказчик приводит стихотворение Мишеля «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно», которое в резкой сатирической форме обыгрывает образы Прекрасной Дамы и Незнакомки. Проверка литературы Мишеля жизнью происходит незамедлительно: сразу после стихотворения «Дамы, дамы...» рассказчик замечает, что «поэтический гений» Мишеля «шел несколько вразрез с его житейскими потребностями» и он был увлечен «определенной девушкой», выпускницей псковской гимназии Симочкой М. [Зощенко 1930, 121]. Идея житнетворчества подразумевается автором несомненно, и шутка рассказчика по поводу увлечения Мишеля – не пустое зубоскальство. Дальнейшее описание отношений Мишеля с женщинами доказывает это.

Вероятно, две возлюбленные Мишеля – Симочка М. и Изабелла Ефремовна Крюкова – связаны с образами Прекрасной Дамы и Незнакомки. Причем на связь эту указывают не только замечания рассказчика, но и размышления самого Мишеля, который мысленно сопоставляет возлюбленных со своим поэтическим идеалом. Так, в уездной барышне Симочке поэт не находит ничего «удивительного» и, хотя считает свое увлечение «вульгарным», тем не менее с Симочкой не порывает [Зощенко 1930, 121]. Что действительно пугает его в отношениях с ней, так это перспектива женитьбы. Важна мотивировка этого страха: брак с Симочкой, по мнению героя, «снизил» бы его до «простых, повседневных поступков» [Зощенко 1930, 121].

Важно, что Зощенко далек от изображения Мишеля в качестве узника и трактовки его судьбы как жертвенной. Хотя мотив узничества в повести есть: вспомним один из вариантов названия повести, который рассказчик предлагает в предисловии – «У жизни в лапах». Мотив этот является од-

ним из ведущих в эстетической концепции русских символистов, и обращение к нему в повести, главный герой которой увлечен поэзией Блока, думается, неслучайно. Причем реализация этого мотива в повести сатирическая. Так, под узничеством Мишель понимает узы брака, что отражено в повести в следующих выражениях: до брака с Симочкой «его главным образом пугало, как бы его не *окрутили* и как бы его не заставили жениться» [Зощенко 1930, 121; курсив мой – *Е.В.*], а уже после венчания Мишель сокрушался, что его все-таки «*опутали*, как сукинова сына» [Зощенко 1930, 125; курсив мой – *Е.В.*].

С мотивом узничества, конечно, связано символистское представление о двоemiрии, которое, на наш взгляд, также сатирически обыгрывается в повести. Мишель не раз сетует на трагический разлад между миром реальности и миром мечты. Вспомним мысли Мишеля, когда он осознал, что мать Симочки, пытаясь устроить свадьбу дочери, на самом деле «взяла его на испуг» своей угрозой выкинуться из окна: «Все ложь, форменный эгоизм и обман» [Зощенко 1930, 125]. Эта трагикомическая сцена обличает героя. Слова Мишеля говорят, что он задет в своих лучших чувствах, но ситуация показывает его действительные стремления. Противоречие подвергает сомнению трагическое мироощущение, на которое претендует сам герой. О том, что разлад между миром мечты и миром реальности на самом деле мнимый, говорит и поэтический идеал Мишеля. Оказывается, что подлинным, желанным воплощением Прекрасной Дамы, о которой мечтает поэт, является Изабелла Ефремовна Крюкова, та самая, которую сам же Мишель назовет впоследствии «корыстной канальей» [Зощенко 1930, 133].

Фамилия героини – Крюкова – призвана обыграть в сатирической форме ее меркантильность и стремление к наживе: Мишель, обвороченный французскими каблучками девушки, попался к ней на крючок. Причем имя героини Изабелла – полный вариант имени *Bella* (итал.), т.е. «красавица» – резко контрастирует с ее хищной фамилией. По тому же принципу создано имя другой героини Зощенко из «Сентиментальных повестей» – Тамары Омельченко. Так, А.Д. Синавский указывал, что имя Тамара «прочно связано с лермонтовской традицией» и «в провинциально-романтическом восприятии <...> Тамара предполагает красавицу с экзотическим (иногда роковым) оттенком» [Синавский 1988, 95]. Само имя Тамара, отметил Синавский, дисгармонизирует с фамилией Омельченко, которая образована от названия паразитического растения «омела» – указание на «цепкую меркантильность» героини [Синавский 1988, 97].

Таким образом, оказывается, что поэтический идеал Мишеля – Прекрасная Дама и Незнакомка – резко контрастирует с его возлюбленными: «провинциальной курочкой» Симочкой М. [Зощенко 1930, 131] и «корыстной канальей» Изабеллой Ефремовной Крюковой [Зощенко 1930, 133]. Несмотря на внешние признаки «удивительной дамы» – так, Ц.С. Вольпе замечает, что с Изабеллой связана блоковская тема Кармен [Вольпе 1991, 221], – она, как и Симочка, оказывается «реальнейшей» женщиной. Лю-

бовь Изабеллы к комфорту и красивой жизни показывает ее укорененность в быте. Интерес Мишеля к Изабелле становится одним из признаков ущербности его жизнетворчества. В целом история отношений Мишеля с женщинами выглядит как превращение идеала, «небожительницы», в «простенькую мешаночку» – точно такими словами Зощенко описал динамику блоковского образа Прекрасной Дамы в книге «На переломе» [Зощенко 1994, 81]. В чем причина этой трансформации?

Писатель показал, что созерцательное творчество Мишеля и его идеал покоились на химерической основе. На это указывает история создания стихов, посвященных отношениям с Симочкой. Так, лирическое обращение Мишеля к природе в стихотворении «Сосны, сосны, ответьте мне» призвано сатирически обыграть ситуацию создания стихотворения (оно было написано сразу после скандала с матерью девушки). Стих «Нет, не удерживай меня, младая дева», который Мишель пишет после разрыва отношений с Симочкой, также становится знаком духовной бедности поэта. Интересно, что написанный до свадьбы стих Мишеля «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно» предвещал финал его отношений с девушкой: «А когда / эта наша незнакомка познакомится со мной – / неохота мне глядеть на знакомое лицо / и противно ей давать обручальное кольцо» [Зощенко 1930, 121]. И после свадьбы Мишель покидает Симочку. Таким образом, в повести Мишель нивелирует блоковский мотив любви к Незнакомке и Прекрасной Даме: поэзия переведена в прозу жизни. Но чем обусловлен такой итог? И зачем Зощенко сделал главного героя эпигоном Блока?

3

Описание подражательного поэтического таланта Мишеля нацелено на фигуру Блока, но поэт интересен Зощенко не как оригинальный художник, а как эпохальный характер, в котором в концентрированной форме оказались выражены черты прошлого поколения интеллигентов. Причем в сатирическом произведении черты эти приобрели гротескную форму. Изучая тему Блока в повести «М.П. Синягин», Ц.С. Вольпе также обратил на это внимание: «Памфлет Зощенко направлен не против Блока, а против декадентской культуры дореволюционной русской интеллигенции» [Вольпе 1991, 214]. Надо заметить, что сам Зощенко понятие «декаданс» и «декадентская культура» в повести не использует. Но сам ход мысли мемуариста и близость его позиции взглядам писателя на дореволюционную культуру Ц.С. Вольпе, как мы считаем, передал верно.

В повести Зощенко характеризовал Мишеля как определенный социальный тип, акцентируя внимание на том, что модель образа жизни героя характерна и сложилась в результате возникновения определенных историко-культурных и социально-экономических условий. Это видно из рассуждений рассказчика в части «О рождении героя», где он определяет отношение Мишеля к «интеллигентской прослойке» [Зощенко 1930, 118]. Кроме того, рассказчик задает критический вектор ее оценки, предвывая повествование о жизни Мишеля лирическим отступлением о судьбах ин-

теллигенции. Пытаясь понять, как до революции стал возможен расцвет интеллигентской культуры, рассказчик приходит к выводу, что он произошел «за счет чего-то такого другого», и рисует картину семьи, в которой из трех сыновей кормят и обучают лишь одного [Зощенко 1930, 117]. Конечно, пишет рассказчик, такой сын «и стишки начнет загибать, и перед воробушками умиляться» [Зощенко 1930, 117].

Процитированные выше строки напоминают личное письмо Зощенко к А.М. Горькому от 30 сентября 1930 г. (отметим, что повесть писалась в тот же год). В письме Зощенко признается: «Я всегда, садясь за письменный стол, ощущал какую-то вину, какую-то, если так можно сказать, литературную вину. Я вспоминаю прежнюю литературу. Наши поэты писали стишки о цветках и птичках, а наряду с этим ходили дикие и даже страшные люди. И тут что-то такое страшно запущено» [Сухих (ред.) 2015, 144]. В повести «М.П. Синягин» писатель, мы полагаем, взялся на примере судьбы Мишеля показать несостоятельность такой жизненной модели. Вспомним начало произведения, когда автор-рассказчик говорит, что «про цветки» писать не станет, а напишет повесть, «подводящую итоги прошлой жизни» [Зощенко 1930, 114]. Таким образом повесть не ограничивалась изображением психики героя и приобретала публицистическое значение. Думается, то же подразумевал Ц.С. Вольпе, называя историю Мишеля Синягина «памфлетом».

Характеристика Мишеля Синягина как «среднего» человека – её дает в повести рассказчик – позволяет говорить о нем как о специфически зощенковском герое, которого можно встретить и в написанных в другой манере рассказах и фельетонах Зощенко 1920-х гг. Хотя Мишеля можно назвать «средним» человеком (следуя за автором, мы понимаем эпитет «средний» в значении «небольшой» и «обыкновенный» [Зощенко 1930, 112], «незначительный» [Зощенко 1930, 114], что также отражено в характеристике «скромный герой» [Зощенко 1930, 114]), тем не менее есть принципиальная разница между ним и героями уже упомянутых произведений Зощенко 1920-х гг. На наш взгляд, это различие состоит в том, что герой зощенковской малой прозы, как правило, очень ловко осваивается с новым миром: он знает, что ему полагается и как можно повернуть это для своей выгоды, или, говоря словами рассказчика, как можно устроить себе «жизтьишко».

Парадоксальное употребление слова «жизтьишко» встречается на страницах рассказов Зощенко. «Бабам, милые мои, нынче житьишко. Крупно богатеют наши бабы» [Зощенко 2012, 410], – завистливо сообщает рассказчик в «Бабье счастье» (1926) об уточнениях в нормах Кодекса, касающихся выплаты алиментов на ребенка женщине. Или, например, в знаменитой «Бане» (1925) рассказчик счастливо мечтает о том, как устроены бани в Америке: «Помоется этот американец, назад придет, а ему чистое белье подадут – стираное и глаженое. Портянки небось белее снега. Подштанники зашиты, залатаны. Житьишко!» [Зощенко 2012, 360]. По слову рассказчика, «жизтьишко» означает «завидную жизнь», а вовсе не «плохое житье», как можно было бы ожидать. За этой подменой понятий, думается,

кроется большая беда маленького человека: в погоне за «жизнью» он не заметил, как духовная его жизнь превратилась в «жизнь» – уже в нашем, привычном смысле слова.

В отличие от героя малой прозы Зощенко 1920-х гг., герой повести «М.П. Синягин» в целом оказался не в состоянии освоить новый уклад жизни с его практической стороны. В результате он был вытеснен на обочину общественной жизни и стал маргиналом. Только в конце пути ему удастся вернуться с периферии общества, восстановив прежние социальные связи (знакомство с Симочкой). Но показательно, что этот период блаженства героя – когда он был счастлив тем, что наконец «понял все свои ошибки и все свои наивные фантазии, и что он хочет работать, бороться и делать новую жизнь» [Зощенко 1930, 140], – не продлился долго. Через девять месяцев после возвращения в Псков Мишель скоропостижно ушел из жизни. Эти девять месяцев новой жизни героя в «сказочном городе» [Зощенко 1930, 137], несомненно, противопоставлены девяти годам, которые до этого он провел в Ленинграде.

Сравнение картин жизни Мишеля до и после преобразования пугает тем, что в описании его последних, счастливых годов чувствуется фальшь. Изображение наступившего материального благополучия героя не действует очищающе, т.к. вопрос о его духовной жизни остается открытым. Когда Мишель возвращается в Псков к Симочке, становится ясно, что перспектива воссоединения с бывшей возлюбленной – его мечта о том, как он «проведет с ней остаток своей жизни в полном согласии, любви и нежной дружбе» [Зощенко 1930, 137], – в действительности была привлекательна для него тем, что сулила больше комфорта, чем босяцкая жизнь в Ленинграде. Найдя в Симочке замужнюю даму с увядшими чертами, он не огорчился и был рад поселиться в ее доме на правах старого приятеля (патронажный характер этих отношений подчеркнут также при описании кончины Мишеля: «... умер почти на руках у своих друзей и благодетелей» [Зощенко 1930, 140]).

Жизненный путь Мишеля предвосхищен еще в начале повести рассуждениями рассказчика о человеческой природе: «... человек очень великолепно устроен. Какая жизнь идет – в той он и прелестно живет. А которые не могут, те, безусловно, отходят в сторону и не путаются под ногами» [Зощенко 1930, 115]. Переехав в Ленинград около 1920 г., Мишель оказался в числе тех, кто не сумел приспособиться к новой жизни. Рассказчик подчеркивает, что вопреки традиции жизнь героя показана в повести без «трогательных мучений и переживаний» [Зощенко 1930, 134]. Это отсутствие трагического пафоса, невозможность романтизации судьбы героя представляет важную авторскую задачу, и покорность героя жизненным обстоятельствам не столько вызывает сочувствие, сколько производит угнетающее воздействие. «Ровно, легко и бездумно» – такими словами рассказчик описывает жизнь Мишеля после того, как он потерял последнюю свою работу и стал просить милостыню [Зощенко 1930, 134]. В таком подходе объективные причины, навлекшие бедствия на героя, отступили на

второй план и потеряли статус значимых, тогда как субъективные факторы, такие как индивидуально-личностные особенности характера героя, приобрели первостепенное значение.

По-видимому, именно в этом пункте – отказе от «возвышенной трактовки темы гибели и отчаяния» – Ц.С. Вольпе видел полемику Зоженко с Блоком, считая, что повесть написана на «центральную тему эстетической философии <...> Александра Блока – тему “гибели”» [Вольпе 1991, 218]. Исследователь пишет, что Блок обосновал трагическую трактовку судьбы своего поколения на материале своей биографии, поэтому «для реалистического ответа на эту символическую философию Зоженко нужно было дать свою интерпретацию материала блоковского творчества» [Вольпе 1991, 219]. Мы согласны, что обнаруженное Вольпе неприятие возвышенной трактовки темы гибели было свойственно Зоженко. Об этом он писал в отрывках из «На переломе» (1919–1920), когда критиковал литературу прошлого, подтверждение этому мы находим и в его книге «Письма к писателю» (1929).

Книга «Письма к писателю» примечательна тем, что в ней Зоженко говорит «прямым» авторским голосом о некоторых вопросах своего творчества. Хотя его ответы на письма читателей и комментарии к ним занимают меньшую часть книги, тем не менее они представляют ценные сведения о творческих целях и задачах писателя. Кроме того, комментарии открывают некоторые взгляды и вкусы писателя, что отмечали также современники, близко знакомые с Зоженко. Так, К.И. Чуковский записал в дневнике по поводу новой работы писателя: «...хотя вся она состоит из чужого материала, она вся – *его*, вся носит отпечаток его личности» [Чуковский 2003, 545]. Книга «Письма к писателю» вышла за полгода до начала работы над «М.П. Синягиным» и, как нам кажется, хранит следы тех размышлений, которые мы обнаружили в повести.

Отвечая в книге на письмо одной читательницы, пожелавшей рассказать писателю о своей жизни, Зоженко оговаривается, что не печатает ее письмо полностью, т.к. «все эпизоды взяты из прошлой, старинной жизни» и, кроме того, письмо «проникнуто верой в судьбу, в рок. А я не слишком-то верю в “фатальное предназначение”». Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов» [Зоженко 1991, 390]. Эта оценка, как нам кажется, подтверждает неприятие писателем трагической трактовки судьбы. Также интересно, что в одном смысловом ряду здесь оказались «старинная жизнь», «интеллигенция» и «фатальное предназначение», «вера в рок». Причем последняя строка ответа Зоженко текстуально перекликается с фразой, завершающей в повести рассуждения рассказчика о причинах отказа от трагической трактовки судьбы своего героя: «Жизнь устроена гораздо, как бы сказать, проще, лучше и пригодней. И беллетристам от нее совершенно мало проку» [Зоженко 1930, 134]. Разница в расстановке акцентов – «обидней» и «лучше» – при текстуальном совпадении двух отрывков наводит на мысль, что подведение итогов прошлой жизни в повести далось Зоженко нелегко, т.к. затрагивало много

личного.

В книге «Письма к писателю» интерес к теме творческих потенций интеллигенции также обнаруживает комментарий Зощенко к циклу писем «Все в порядке». Под этим заголовком Зощенко напечатал несколько писем от девушки, состоявшей с ним в переписке в 1928–1929 гг. Публикуя один из ее текстов, Зощенко отметил, что печатает его полностью, т.к. считает «любопытным» по настроению: «Мне кажется, что какая-то часть (весьма небольшая) нашей интеллигентской молодежи находится именно в таком нерешительном состоянии, как автор этого письма» [Зощенко 1991, 381]. Исповедь девушки, ее размышления о своей «слабохарактерности» и интеллигентском происхождении могли показаться Зощенко интересными, т.к. подтверждали его оценку поколения. В связи с этим важно, что из последнего письма девушки Зощенко публикует лишь короткий отрывок, в котором она признается: «...у меня нет воли и охоты бороться за свое за существование» [Зощенко 1991, 384].

Такие работы Зощенко, как повесть «М.П. Синягин», «Сентиментальные повести» и «Письма к писателю» показывают, что в 1920-е гг. Зощенко проявлял стойкий интерес к судьбе интеллигенции. Обращение в этом контексте к Блоку выглядит закономерным. Его философско-эстетическая концепция имела большое влияние на интеллигенцию конца века и, самое главное, интересовала писателя – к такому же выводу пришла М.О. Чудакова, изучая книгу «На переломе» [Чудакова 1979, 13]. Таким образом, истоки этого интереса можно найти уже на страницах неоконченной книги «На переломе», в которой писатель размышлял об интеллигентской культуре («узловым» текстом книги является статья о Блоке).

Как можно судить по сохранившимся наброскам, главным объектом критики в книге «На переломе» становятся декадентские мотивы в литературе прошлого века. Особенно Зощенко беспокоила отстраненность художника от мира реальных событий и фактов, потеря интереса к жизни, эстетизация страдания и смерти. В книге «На переломе» эта тема прочно ассоциируется с уже упомянутыми нами «неживыми людьми» – носителями особенного типа сознания, которое, по наблюдению Зощенко, появилось в среде интеллигенции в результате кризиса индивидуалистической философии рубежа XIX–XX вв. Сама проблема кризиса индивидуализма была представлена в книге критических статей как вопрос о новых путях литературы после революции (хотя по своему характеру оценки Зощенко в каком-то смысле выходили за рамки литературного поля: его интересовала психология литературных героев и их создателей). В повести «М.П. Синягин» Зощенко, на наш взгляд, углубил эту проблему и пошел дальше. Изобразив «гибельный» жизненный путь Мишеля Синягина, писатель поставил вопрос о кризисе сознания, этот путь определившего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. 2-е изд., доп.

М., 2004.

2. Вольпе Ц.С. Искусство непохожести: Б. Лившиц, А. Грин, А. Белый, Б. Житков, М. Зощенко. М., 1991.

3. Зощенко В.В. Так начинал М. Зощенко // Воспоминания о Михаиле Зощенко / сост. Ю.В. Томашевский. Л., 1995. С. 5–28.

4. Зощенко М.М. Конец Рыцаря Печального Образа // Лицо и маска Михаила Зощенко / [сост. и публ. Ю. В. Томашевского]. М., 1994. С. 78–85.

5. Зощенко М.М. М.П. Синягин. (Воспоминания о Мишеле Синягине) // Новый мир. 1930. Кн. 12. С. 112–140.

6. Зощенко М.М. Письма к писателю. Из архива печати // Зощенко М.М. Уважаемые граждане / сост., вступ. статья, материалы к биографической хронике, коммент. и доп. М.З. Долинского. М., 1991. С. 345–431.

7. Зощенко М.М. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Рассказы: двадцатые годы / вступ. ст. и примеч. Ю.В. Томашевского. М., 2012.

8. Зощенко М.М. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки / сост., вступ. статья, материалы к биографической хронике, коммент. и доп. М.З. Долинского. М., 1991.

9. Кадаш Т.В. «Зверь» и «неживой человек» в мире раннего Зощенко // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 36–38.

10. Переписка Зощенко с Горьким. 1927–1935 гг. // Мих. Зощенко: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / сост., вступ. статья, коммент. И.Н. Сухих. СПб., 2015. С. 139–150.

11. Синявский А.Д. Мифы Михаила Зощенко // Синтаксис. 1988. № 23. С. 82–103.

12. Статья М.М. Зощенко о Б.К. Зайцеве / публ. А.И. Павловского // Михаил Зощенко: материалы к творческой биографии / отв. ред. Н.А. Грознова. Кн. 1. СПб., 1997. С. 37–48.

13. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979.

14. Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: в 2 т. М., 2003.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Kadash T.V. “Zver” i “nezhivoy chelovek” v mire rannego Zoshchenko [The “Beast” and the “Unalive Man” in Zoshchenko’s Early Works]. *Literaturnoye obozreniye*. 1995, no. 1, pp. 36–38. (In Russian).

2. Sinyavskiy A.D. Mify Mikhaila Zoshchenko [The Myths of M. Zoshchenko]. *Sintaksis*, 1988, no. 23, pp. 82–103. (In Russian).

(Monographs)

3. Belaya G.A. *Don Kikhoty revolyutsii – opyt pobed i porazheniy* [The Don Quixotes of the Revolution: An Experience of Victories and Defeats]. 2nd ed. Moscow, 2004. (In Russian).

4. Chudakova M.O. *Poetika Mikhaila Zoshchenko* [Mikhail Zoshchenko’s Poetics].

Moscow, 1979. (In Russian).

5. Vol'pe Ts.S. *Iskusstvo nepokhozhesti: B. Livshits, A. Grin, A. Belyy, B. Zhitkov, M. Zoshchenko* [The Art of Being Different: B. Livshits, A. Grin, A. Bely, B. Zhitkov, M. Zoshchenko]. Moscow, 1991. (In Russian).

Васильева Евгения Олеговна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики. Научные интересы: русская литература начала XX в., теория сатиры.

E-mail: jenka-fenka@mail.ru

Evgeniya O. Vasilieva, Lomonosov Moscow State University.

Postgraduate student at the Department of Russian Literature and Journalism, the Faculty of Journalism. Research interests: the Russian literature of the early 20th century, theory of satire.

E-mail: jenka-fenka@mail.ru